

22кз.

„ДОБРЯКИ“

В тихих стенах Института античной культуры произошла неприметная и почти неправдоподобная история: некий Гордей Кабачков, не имея даже аттестата об окончании школы, проник в научный мир. Он сумел разжалобить всех своей «тягой» к науке и трудным детством. Ученые мужи, уступив его уговорам, допустили, чтобы он защитил anywhere не тощую диссертацию при одиночном одобрении учебного совета. Они же помогли Кабачкову завять пост заместителя директора института. Но Кабачков разоблачен, и это открывает учебные глаза, они публично показывают полнейшее невежество шантажиста.

Задуманная драматургом Л. Зориним как «комическая история, происшедшая в одном из городов», пьеса «Добряки» привлекает внимание прежде всего сатирической отточенностью, подчеркнутой остротой сюжета и жизненной логикой фактов.

Режиссуре спектакля (художественный руководитель постановки — заслуженный деятель искусств РСФСР И. Ефремов, режиссер — дипломант Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского Д. Мельников) и целом удалось подчеркнуть гражданский пафос пьесы, используя самые разнообразные сценические приемы. В постановке органически слились такие разноплановые выразительные средства, как сатирическая острота, ирония и психологизм.

Спектакль Театра имени Ленсовета

Ческая правда переживаний, сочные, доходящие до барикатурной броскости лексикация (художник М. Голубин) и зарисовки отдельных образов и жизненная естественность их поведения на сцене, бесспорно-ироническое отношение к действующим лицам и глубокая вовлеченность за их судьбы. Стремясь усилить позитивное начало в пьесе, театр совместно с драматургом проделал значительную работу над ее окончательным вариантом. И в спектакле, лишенный поначалу конкретного положительного героя, незаметно вошел молодой человек — научный работник Ложкин (артист А. Эстрада). Из комментатора событий и бездействующего персонажа — таким он был в спектаклях других театров — он постепенно превращается в активное действующее лицо, несущее авторские мысли и формирующее наши выводы. При таком построении образ Ложкина сюжетная ткань пьесы несомненно выиграла.

Острые спектакля направлено в равной степени как против кабачковских, так и против «добряков» — той благодарной почвы, на которой могут произрастать в пьесте буйным цветом сорняки.

В роли Кабачкова по-новому раскрылись комедийные стороны дарования артиста В. Петрова. Вот он приходит под сводами института в день защиты: простоватое и грубое лицо покраснело от напряжения, глаза трусливо и заискивающе бегают по сторонам, интонация голоса — униженная и просительная. Но зато как он меняется по мере своего восхождения! Повелительный оклик, пренебрежительность в разговоре с учеными, торжество и даже самонадеянность пополняют рисунок образа. На какой-то миг становится страстным, как его не разоблачили по сценарию, но нет, вот он остался еще настороженный взгляд и уже снова по-простецки назван и утучнен. В. Петров тонко и умно прослеживает все перипетии, вылавливая на долю его «героя», беспопашно, обличая духовное убожество и циничную философию этого авантюриста и вымогателя.

Интересно задумана в спектакле галерея ученых — «добряков», которых объединяют те человеческие слабости — ложно

понимаемое чувство гуманности, беспринципность, близорукость, — которые менее всего могут способствовать подлинному развитию науки. Директор института Гребешков (артист Ю. Бубликов), человек драхлый и слабохарактерный, весь ушедший в историю прошлых веков, находящийся под каблучком у своей разнузданной дочери; прямые и резкие в глоссе, но быстро отходящие Сычова (артистка А. Корвет) и Колесниковы (артист В. Степанов); скептически настроенный холерный Витальев (артист А. Абрамов); прекраснотупый и слонный к перемене мнения Анютин (артист И. Назаров) — все они разнолики и по-своему типичны. Они искренне преданы институту и честны, но далее своей тихой обители, своей хаты с краем они давно отучились видеть.

Режиссура и исполнители, среди которых следует особенно отметить таинственную игру Ю. Бубликова и А. Корвет, безжалостно, шаг за шагом показывают все стадии «падения» ученых.

Не все роли в равной степени удались в спектакле. Хотелось бы большей режиссерской фантазии в раскрытии образов Витальева и Колесникова, особенно в финале. Еще более безудержное меланство и духовную ограниченность надо придать образу дочери Гребешкова — Иранды Преславны (артистка П. Файн). Обаяние, живое чувство современности и разнообразия красок не хватает артисту Д. Бессонову в недостаточное четко выписанном автором образе музыканта Ореста Жуковского. Большой простоты и ровности в трактовке роли управделами Крыльевой хочется пожелать артистке Л. Жуковой.

Некоторая неопытность режиссера, которому пришлось самостоятельно доводить постановку до конца, при встрече с этим своеобразным и сложным драматургическим материалом сказались не только в недостаточной яркости характеристиках ряда персонажей, но и в отходе в отдельных сценах от той интересной жанровой заявки, о которой говорилось выше. Имеется в виду прежде всего третий акт. По мере нарастания событий иронически острое и правдивое раскрытие взаимоотношений и ситуаций стало подменяться излишне поверхностным решением темы, сомнительно эффектным мизансценами.

Вряд ли следует последнюю обличительную фразу Гребешкова, к которой он шел на протяжении всего спектакля, подавать в чисто водевильной манере. Неуместна пробежка всех героев в присказках Кабачкова в тот самый момент, когда тема разоблачения шантажиста достигает своего апогея.

Спектакль пользуется успехом у зрителей. Его значение заключается в том, что своим гражданским пафосом и обличительным звучанием он будит ту непримиримость ко всяким проявлениям пережитков прошлого, без которой невозможно построение коммунистического общества.

Е. ВОЛОДАРСКАЯ